

УБОЙНАЯ СИЛА

МЕНТЫ
АНДРЕЙ
КИВИНОВ

Андрей Владимирович Кивинов

Танцы на льду

Серия «Улицы разбитых
фонарей», книга 21

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128880

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

30

Андрей Кивинов

Танцы на льду

После произвольной программы всегда идет показательная. И чтобы попасть во вторую, надо хорошо отработать первую. В очередной раз вынужден предупредить, что описанные события – плод фантазии и ничего общего с реальностью не имеют.

Здрассте... Вот такое неоригинальное начало. А зачем выделяться? Любят, знаете ли, некоторые: «Кровавая заря вставала над грязным городом, и бесконечным эхом разносилась по пустынным улицам карканье вечно голодных ворон. Дикий, душераздирающий вопль пронзил пространство пущенной стрелой, и те, кто его услышал, поплотнее закрыли окна, потому что такой вопль мог прозвучать только в самом запредельном кошмаре...»

Я, как видите, проще. Простой такой, нормальный мужчинка. Следующим неоригинальным шагом будет наше знакомство. Без всяких предварительных церемоний и комментариев. Без постепенного раскрытия характера и потаенных глубин души. Перебьемся. Душа у меня, наверное, есть, но раскрывать ее не стоит. Я-то в вашу не лезу. Да, так вот, звать меня Юрой, как Гагарина, фамилия Робингудов... Шу-чу, Иванов. От роду мне двадцать три, живу с мамой и папой, не женат, ориентация – без отклонений (сейчас данный

пункт анкеты получил широкое распространение, поэтому я сразу ставлю все на свои места). Политически неграмотен. Вот уже десять дней, после окончания средней школы милиции, работаю во благо Министерства внутренних дел.

Три предыдущих года министерство вбивало в мою головушку азы криминалистики и оперативно-розыскной деятельности, уголовного и административного права, а в мое тело – основные теоремы рукопашного боя и строевой подготовки. Насколько удачно – покажет ближайшее будущее. На данный момент судить о моих академических способностях преждевременно.

Короче говоря, получив направление, я прибыл в территориальный отдел милиции уже в должности крутого, как мне казалось, оперуполномоченного уголовного розыска и был любезно встречен своими будущими коллегами. Всего лишь любезно, потому как в той же школе милиции и в многочисленных кинофильмах мне ни разу не намекнули, что, вливаясь в коллектив, необходимо проставляться, а я как идейно подкованный и твердо уверенный, что в наших органах служат сплошные трезвенники, не проставился.

Вообще в первые десять дней работы мои представления о людях нашей благородной профессии постепенно начали сползать в какую-то непонятную сторону. Вследствие того, что реальность, как оказалось, чуть-чуть не совпадала с тем, чем меня пичкали целых три года.

К примеру, опер Витка Черненко, к которому меня при-

крепили как молодого специалиста и в кабинет которого я вселился, за десять дней появился в отделе всего два раза.

В первое появление он рассказал мне пару бородатых анекдотов, после чего исчез, предупредив, что, если его будут искать, он ушел в рейд.

Второй раз я застал его как-то утром по приходу на работу, Витька лежал на диване прямо в своем черном расклевещенном пальто со следами ботинок в районе талии. Мне удалось рассмотреть, что следы оставлены продукцией фабрики «Ленвест». Кабинет пропитался гремучей смесью из Витькиного перегара, вони папиросных окурков и аромата разлагающейсядохлой мышки за батареей.

Вероятно, ночью Витька вернулся к порту приписки, чтобы отдохнуть и снова уйти в туман. «Корабли постоят и ложатся на курс...» Когда он проснулся, я осторожно спросил, в чем заключается суть его рейда. Черненко в ответ потряс головой, закурил «беломорину» и простонал:

– Все в нормале, старик, все в нормале...

В школе милиции нас учили, что, действительно, в самых благовидных целях рейды должны проводиться регулярно. При этом составляется адресная программа, производится расстановка сил и средств, ну и все такое прочее.

Витькина адресная программа была записана в его распухшем блокноте, потому как, уходя в рейд, он звонил по разным телефонам, спрашивая какую-то Люду.

Заглянувший следом за мной начальник отдела строго-на-

строго отчитал Черненко:

– Виктор Геннадьевич, это безобразие. Не к лицу сотруднику уголовного розыска матерно оскорблть дежурного офицера на пороге отдела. В следующий раз, если придешь ночью он тебя не пустит. И будет прав.

Витька слабо парировал:

– А к лицу дежурному офицеру наступать на руки сотруднику уголовного розыска?

Витька считался самым опытным опером в отделе, хотя ему не было и тридцати, а мои новые коллеги пояснили, что если Черненко ушел в рейд, то так оно и надо, не следует к нему приставать, Витька знает, что делает. Также мне сообщили, что он является тонким психологом и в «расколе» подозреваемых ему нет равных во всем министерстве. В данном, наверняка неоспоримом факте я еще не имел удовольствия убедиться, хотя страшно желал посмотреть, как работают настоящие профессионалы.

Впрочем, чтобы не утомлять вас длинной прелюдией об особенностях милицейской практики, я перейду сразу к теме, а мои открытия в реалиях профессии буду доводить по ходу. Это гораздо нагляднее.

Сейчас я трясусь на переднем сиденье БМП – боевой машины полиции, – в УАЗике то бишь, сжимая еще не озябшими пальцами короткоствольный десантный автомат и сурово глядя вперед.

Три минуты назад, зайдя в дежурную часть получить свой

первый в жизни материал, я испытал принцип Судьбы. Наукой пока не доказано существование этого принципа, но он, несомненно, присутствует. К примеру, если ты дежуришь, но в нужный момент сидишь на горшке или вышел на обед – это не Судьба, а если не дежуришь, но заходишь забрать материал, это как раз она, Судьба. Именно в нужный момент – в тот самый, когда на пульте загорается лампочка ввиду срабатывания сигнализации в сберкассе.

А тут уж без разницы: дежуришь, не дежуришь, на горшке, не на горшке – автомат в руки и ура. Побыстрее. Подмога прибудет позже, а ты пока немедленно реагируй.

В любом случае я доволен. Это мой первый боевой выезд. И легкий мандраж охватил организм не от страха перед, возможно, вооруженным преступником, а от боязни сделать что-то неправильно и показать свою профессиональную несовместимость.

Автомат упирается откидным прикладом в колено и снимается с предохранителя. Я от всей души жалею, что меня не видят мои бывшие одноклассницы и подружки. Типаж – коммандо. Даже в армии я не выглядел так благородно.

Расстегнутая черная куртка, заправленные в высокие ботинки джинсы, шапочка на глаза и, конечно, боевое оружие настоящего мужчины. Классика в черном.

Прямо по газону водитель выруливает на финишную прямую.

– Прижмись, прижмись, – отрывисто бросаю я сержанту. –

Спугнем! Надо по уму.

Сержант тормозит и выключает мигалку. Я выскакиваю на снег и, пригнувшись к земле, бегу мимо продуктовых ларьков к сберкассе. Главное – тактика. Неожданность – сестра удачи. Сберкасса на втором этаже здания.

Я ловко, по-кошачьи перепрыгиваю через перила и, сбив железную урну, влетаю внутрь. Правая рука передергивает затвор, глаза адаптируются к полумраку.

Темп, темп. Но и голова тоже. Перед стеклянными дверями стратегическая остановка. На секунду-другую. Выбор позиции и мишени для стрельбы. Мишени в зале не наблюдается. Не исключено, что мишень за стойкой – потрошит сейф. Поэтому еще раз спокойствие. Непринужденно толкаю дверь и захожу в зал рядовым, гражданским посетителем. Как насчет подписки на «Охоту и рыболовство»? Автомат не прячу – некуда. У крайнего окошечка стойки – очередь из старушек, за столиком – мужичок, плюющий в чернильницу. Щелканье калькуляторов, треск кассовых аппаратов, звуки радио.

Не убирая пальца со спускового крючка, подхожу к центральному окошечку. Женщина лет сорока виртуозно лупит пальцами по здоровому калькулятору. Заметив мою тень, протягивает руку в колечках к окошку:

– Давайте квитанцию.

Квитанции нет, есть автомат. Не дождавшись первого, дама поднимает голову и видит второе. Плюс шапка на глаза

и классика в черном.

Я хочу шепотом спросить, где бандиты, но не успеваю.

Дама безразлично делает поклоны в кресле и кричит куда-то в открытую дверь:

– Маша! Опять сигнализация сработала! В конце концов, ты вызовешь когда-нибудь техника? Вы извините, молодой человек, Бога ради, замучали, наверное, вас.

Молодой человек слегка озадачен. С одной стороны, хорошо, обошлось без жертв, но с другой... Ладно б молодой человек был «в синей форменной фуражке с цифрой „три“ на медной бляшке», но ведь у нас «классика в черном». У молодого человека что, на лбу написана профессия? Получается, написана, несмотря на атрибутику. Прямо так и написана: Юра Иванов, оперуполномоченный уголовного розыска. Белым по черному.

– Молодой человек, вы платите или нет?

Я поворачиваюсь. Маленькая бабуля в огромных плюсовых очках протягивает к окошку квитанцию и пару червонцев.

– И уберите свой автомат.

«Нет, я не плачу! – кричит мой внутренний голос. – Я пришел рассказать о новой жевательной резинке „Спортлайф“ без сахара!»

Остальные в зале не обращают на меня ровно никакого внимания. Как будто и нет меня! Знаете, что хочется сделать? Если честно? Дать залп в оштукатуренный потолок и

заорать:

«А ну, на пол, труха навозная! Ключи от сейфов на стойку! Живо...»

Из радио хрипит Луи Армстронг. Плавно и нежно. Песня про прекрасный мир. И волшебную любовь.

Я опускаю автомат и понуро бреду к выходу. Сержант уже подогнал машину к парадному подъезду. Урну кто-то поднял.

– Что, Юрок, опять у них ложный вызов?

– Почему ты решил?

– Да по десять раз на дню сюда ездим.

Я зло падаю на сиденье.

– Я тебя и предупредить не успел. Ты прямо орлом выглядел. Как я в молодости. Патрон из патронника вынь, пожалуйста.

Вернувшись в отдел, я сдаю автомат, получаю тот самый, первый материал и иду к себе его изучать. Изучение занимает полчаса, и прочитанное не вызывает у меня никаких вопросов, кроме одного – почему материал отписали именно мне? А из этого вопроса следует еще один: что мне теперь с этим делать?

Посоветоваться с наставником я не могу, наставник, как я уже заметил, рейдует, а в одиночку даже при наличии всех студенческих конспектов мне ни за что не разобраться. Поэтому, чтобы не напакать сгоряча, придется идти к заместителю отдела по оперативной работе, то есть к моему непо-

средственному шефу Сергею Михайловичу Зимину, которого оперы зовут просто Михалыч. Михалыча, несмотря на еще довольно молодой возраст, в отделе уважают, потому что сам он вышел из простых постовых милиционеров, знает все тонкости службы и понимает, где стоит спросить строго, а где можно не затевать ненужного разговора. Кроме того, я узнал, что Михалыч никогда не прятался за спины оперов и всегда вытаскивал их из различных каверзных ситуаций, принимая удар на себя.

Когда я с материалом в руках объявился на пороге его кабинета, то помимо шефа застал там опера Васю Громова, амбала парня, веселого нрава и поведения. Вася сидел на диване, в чем-то оправдываясь перед Михалычем и разводя в расстройстве здоровенными руками. Михалыч же, положив на свой шефский стол деревянный стул, усиленно работал молотком.

– Михалыч, ну не специально я, ты ж пойми... Стулья, наверное, старые, труха сплошная.

– Нечего, нечего на стулья пенять. Я замечаю странную закономерность: как ты что-то раскрываешь, так у меня ломается очередной стул. Почему ты не работаешь в своем кабинете?

– У меня тесновато, сам же знаешь, Михалыч.

– В таком случае бери с собой стулья, они у тебя железные. – Михалыч врезал по гвоздю молотком, прибивая ножку.

– Да кто ж знал-то?! – Вася в сердцах хлопнул ладонью по коленке. – Я ему кодекс показываю, смотри, говорю, сколько тебе светит, а под ним хлоп – стул и ломается...

Михалыч наконец обращает внимание на меня:

– Что тебе, Юра?

– Да вот, по материалу посоветоваться.

– Хорошо, присядь... Значит, Василий Андреевич, так. Еще один стул сломаешь, с кодексом там или без кодекса, очередную квартальную премию отдашь на покупку мебели. Ясно?

Вася горестно вздыхает:

– Ясно.

– Кстати, что там возбудили?

– Сто восемь, часть два^{note 1}. Полные обморозки, Михалыч. Спортсмены херовы. Днем в спортзале по грушам лупили, а по ночам на практику выходили. На «куклах» работали. Увидят мужичка поддатого и давай его месить по всем правилам кикбокса. За две ночи два трупа. Я, в общем-то, не из-за того, что они не кололись, кодекс показывал – там и так с доказухой порядок, а просто по жизни обидно... Что им эти мужики датые сделали?

Михалыч ставит стул, проверяет его на прочность мощным нажатием и, убедившись, что ремонт произведен успешно, задвигает предмет мебели в ряд собратьев по гарнитуру.

– Все равно завязывай, Василий.

Вася согласно кивает и, еще раз вздохнув, покидает кабинет начальника.

— Когда меня выпрут из органов, я устроюсь в мастерскую по ремонту мебели,

— усмехается, глядя на меня, Михалыч.

Я понимающе киваю, хотя никак не могу взять в толк, почему, когда человеку показывают кодекс, под ним должен сломаться стул.

— Ну, что у тебя за материал?

Материал отписан мне начальником отдела, и Михалыч, вероятно, не в курсе происхождения.

Я кладу на стол несколько листков, сцепленных скрепочкой.

— Ты мне на словах объясни.

— Ситуация такая. Некий мужичок с металлургической фамилией Блюминг покупал сегодня в универмаге галстук...

— Так.

— Купив галстук, он пошел на выход, но в дверях поскользнулся на замерзшей луже и, падая, разбил головой стекло витрины. Продавцы на всякий случай вызвали милицию, хотя Блюминг никуда и не пытался скрыться. Он тут же возместил ущерб, и претензий к нему работники универмага не имеют. Но наши постовые все-таки привезли его сюда, а участковый составил протокол осмотра витрины и записал объяснения.

— Молодцы, дело знают.

– Вот, собственно, и все. Я почитал объяснение Блюминга – он ничего не скрывает. Так получается, что состава преступления тут нет.

– Э, э, ты не торопись. Где это ты насчет состава прочитал? В учебнике, что ли?

– Да тут и без учебника ясно, что мужик разбил стекло нечаянно, поскользнувшись. Я зашел уточнить, как мне материал списать и можно ли отпускать Блюминга.

– Эх, молодо-зелено... Ты не переживай, все такими были когда-то. С чего ты решил, что этот Блюминг нечаянно упал?

– Ну, там же лужа... И в протоколе отмечено.

Михалыч быстро пробегает глазами листочек, комкает его и бросает в корзину.

– Вот и нет никакой лужи. Он и не падал вовсе. А будучи в пьяном виде, из хулиганских побуждений нахамил продавцам и разбил стекло. Что это у тебя с лицом? Аллергия? Та-вегильчику хочешь?

– А он вот, а они...

– Короче, в чистом виде двести шестая часть первая. Уголовное дело вряд ли возбудим, но «протокольную форму» слепим.

Для никогда не сталкивавшихся с родным законодательством граждан поясняю, что «протокольная форма» применяется к лицам, совершившим какие-нибудь мелкие проступки, когда можно обойтись без длительного следствия, а отправить материал прямо в суд. Санкции там, как правило,

штрафные, и в тюрьму человек не садится. Но самое главное, как я уже успел понять из своей небольшой практики, «протокольная форма» идет в положительный баланс раскрываемости наряду с раскрытыми кражами, грабежами и убийствами. То есть, грубо говоря, мы получаем дополнительную «палку».

– Сергей Михалыч, но он же говорит, что нечаянно... И свидетели...

– Ну что ты заладил как попугай – нечаянно, нечаянно... Еще два листочка с показаниями продавщиц летят в корзину.

– Мало ли что он говорит. Поначалу никто не признается. Поэтому материал тебе отписали, а не участковому. Чтобы ты поработал и все довел до ума.

– А как? Как я заставлю его сказать, что он по пьяни, да еще специально...

– Не волнуйся ты. Может, форточку открыть? Ну, как хочешь. Для начала сходи в универмаг, возьми с директора заяву. Так и так, просим принять меры к неизвестному, разбившему стекло в универмаге. Больше не расшифровывай. Также возьми справку о стоимости стекла. Перепиши протокол осмотра, только чтоб лужи не было. Потом этот Блюминг... Конечно, просто так он НЕ ПРИЗНАЕТСЯ. Надо его подработать. Немножко на него накопать говнеца.

– Что значит накопать, Сергей Михайлович? В каком смысле?

– Экий ты, Юра, непонятливый. Чему вас в школе-то учили? В прямом смысле. На каждого человека всегда можно что-нибудь накопать. При желании. И на тебя, и на меня, и уж тем более на какого-то Блюминга. Чем он занимается?

– Директор общества закрытого типа «Фаворит».

– Запомни, Юрий. У нас в городе только одно настоящее общество закрытого типа, все остальные – целиком или наполовину – липовые.

– Какое же?

– «Кресты». Тюрьма такая на Арсенальной. Так что любого «Фаворита» можно сделать аутсайдером. Короче, полетвоей деятельности не ограничено, все зависит от фантазии и азарта. Можешь покопать на личном фронте. В общем, копай где угодно, лишь бы к моменту вашей следующей встречи ты располагал на Блюминга таким компроматом, что он будет готов написать, как разбил не только стекло, но и лица всего персонала, а также имел умысел взорвать универмаг к чертям собачьим. Времени у тебя дней десять, так что не затягивай.

– А если не получится?

– Получится, получится. Ты молод, энергичен, не то что Васька, которого от стула не оторвешь. Подключи налоговую, ОБЭП. Все эти «Фавориты» одним миром мазаны. Внешне – просто сказка, а внутри... Иногда дерьмо распознаешь только вляпавшись в него. Так что действуй, хватит в кабинете сидеть. Ты опер, а не домохозяйка. И главное, ни-

кого не бойся. Пусть тебя боятся.

– А если все-таки не получится?

– Ты еще и не начинал, а уже плачешь. Ну, если не получится, просто спишешь материал в архив. Действительно за отсутствием состава. Хотя жалко. У нас на этой неделе два «глухих» разбоя, а в плюсе мы ничего не дали. Поэтому, Юра, ты уж постарайся.

– А сейчас его отпускать?

– Ну, разумеется. Держать его в камере, пока ты будешь копать, не имеем права. По закону.

Если бы вы видели сейчас мое лицо, то поняли бы – я слегка ошарашен. На лекциях по криминалистике я видел себя суперсыщиком, преследующим коварного маньяка, представлял себя Шараповым в логове бандитов или Джеймсом Бондом в обществе фотомodelьки. А тут такой облом. Ни Бонда, ни модельки... Какой-то Блюминг, какое-то стекло. И ни на грамм романтики.

– И вот еще что, погоди-ка минутку. – Михалыч открыл сейф. – У тебя своих «людей^{note 2}» пока нет, поэтому я передам тебе на связь кое-кого из наших.

Он порылся в многочисленных папках и достал листочек с данными, затем переписал их на маленькую бумажку и протянул мне.

– Вот, запомни. Это «человек» твоего тезки Юрки Маркова, уволенного этим летом. Жалко, хороший был опер, пил, правда, много. На чем и погорел. Ну, это к теме не относит-

ся. Позвони человеку, договорись о встрече, побазарь, озадачь. Короче, войди в контакт. Может, что-нибудь полезное и принесет. Без своих «людей» работать очень тяжело, учти.

Я беру бумажку. Преображенский Александр Александрович. Телефон.

– Преображенский – это псевдоним?

Михалыч растерянно смотрит на меня и пожимает плечами.

– Черт его знает, я не помню. Да ты по фамилии не обращайся. Спроси Сан Саныча. Мы все его так звали.

По последней реплике я понимаю, что конспирация в нашем отделе поставлена на профессиональный уровень.

Я покидаю Сергея Михайловича и иду в дежурку, где тоскует в ожидании своей участи гражданин Блюминг. По кисло-недовольному выражению его ушибленного лица я делаю аналитический вывод, что он очень расстроен непонятной задержкой в милиции. Я ему сочувствую, понимая, что во всем виноват этот идиотский гололед. Я сам сегодня дважды плясал на замерзшей луже, пытаюсь устоять на непослушных ножках. Устоял.

– Аркадий Андреевич, пройдемте. – Я кивком зову Блюминга в свой кабинет.

– Господи, ну что еще за чепуха, я опаздываю, – ворчит Блюминг и, потирая разбитый о витрину лоб, идет за мной.

– Я вас долго не задержу, – успокаиваю я его, лихорадочно соображая, что б такое ему нагрузить для придания нашей

беседе более-менее здравого смысла.

– Присаживайтесь. – Я кладу перед собой остатки материала и сурово, по-чекистски смотрю на Блюминга.

– Все бы ничего, Аркадий Андреевич, и на первый взгляд никаких претензий к вам возникнуть вроде бы не может, но...

Жалко, вы не слышите. Коварное словечко «но» произнесено мною с ярко выраженным акцентом, заработанным при просмотре полицейских сериалов. С чувством, наполненным святой правотой своего дела и полным торжеством над противником. И само собой, в самый неожиданный для противника момент.

Блюминг убирает руку от лба и, кажется, хочет открыть ротик. Однако слова ему не давали.

– Вот тут объяснения некого господина Касторкина, который утверждает, что вы специально, в пьяном виде и из хулиганских побуждений ударили кулаком по стеклу. То есть совершили преступление.

Вы уже, наверное, поняли, что господин Касторкин и чудовище из озера Лох-Несс примерно равны по вероятности своего существования.

То, что вы не слышите мой голос, это еще полбеды. Вторая половина беды в том, что вы не видите моего собеседника. А передавать состояние его лица так же несерьезно, как объяснять на словах содержание картины Шишкина «Русский лес».

Отмечу вскользь, что без изменений остался только «фонарь» на его лбу, да и то, кажется, он тоже приобрел форму знака вопроса.

— Ка-какой Касторкин?!

— Иван Сергеевич, обычный, честный, порядочный гражданин, не оставшийся в стороне, как некоторые другие, а давший правдивые показания в отношении вас и стекла. Вот так. И куда прикажете мне деваться? Выкинуть его объяснение в корзину?

(В принципе, конечно, можно, половина материала уже в ней, но чтобы выкинуть, его надо сначала написать.)

— Вы что, серьезно, молодой человек? Какое преступление? Абсурд полный... Где этот ваш Касторкин? Он, наверное, сам кривой в дупель был, раз такое говорит.

— Он абсолютно незаинтересованный свидетель, к тому же непьющий. Имел при себе справку. Так что ваше дело не так уж и благополучно, Аркадий Андреевич. Итак?

Блюминг пытается жестами изобразить состояние своей души, но азбукой для немых он владеет слабовато, поэтому получается неубедительно. У бандитов и то понятнее.

Поскольку я еще неопытен, меня также начинает подводить словарный запас, и я перехожу к другой теме.

— Чем занимается ваше предприятие?

— Пых-мых-дых-оп...

— Не понял. По-русски будьте любезны, не надо здесь жаргоном сыпать.

– Я, кажется, догадываюсь... Сколько?

– Чего сколько?

– Ну-у-у...

Пальчик трется о пальчик.

«Дать бы вам в рожу за такие жесты, гражданин Блюминг», – говорит мой внутренний голос. Но вслух я предупредительно-спокоен:

– Перестаньте, Аркадий Андреевич, оставьте себе на адвоката. Мы не продаемся!!!

Реплика произносится величественно, хотя я и сижу. Очень неудобный стол.

– Так чем занимается ваше предприятие?

– Господи, Боже мой... Мы закупаем сырье за рубежом для производства самых необходимых стране лекарств и поставляем его на фармацевтические заводы. Мы за здоровое будущее нашей великой страны!

Блюминг тоже не встает.

– Вы что, кандидат в депутаты?

– Нет.

– Тогда не агитируйте. С кем вы живете?

– А это-то тут при чем?

Во дурик, как же я буду на тебя копать, не зная исходных моментов?

– В деле должно учитываться все вплоть до вашей сексуальной ориентации. Установка Генеральной прокуратуры. Так что извольте.

Блюминг окончательно подавлен. Еще бы. Тактику проведения допроса я сдал на пятерку. Могу диплом показать.

Аркадий Андреевич склоняет голову и начинает бормотание:

– Я живу с женой и дочкой.

– Машину имеем?

– Да, «Вольво».

– Номер помним?

– Конечно.

– Давайте.

Блюминг дает.

В последующие пять минут он отдает все, начиная со сведений о зарплате жены и заканчивая родословной своего родтейлера. Насколько искренне – покажет время.

Когда я получаю некоторую базу для рытья, то удовлетворенно киваю.

– Хорошо, время дорого, а в стране разгул. Будем заканчивать. Ваше последнее слово.

– Где ваш начальник?

– По коридору вторая дверь.

«Беги, беги, жалуйся. Михалыч тебе быстренько разъяснит права и обязанности».

– Значит, вы настаиваете, что упали нечаянно?

– Знаете что, молодой человек?..

– Не знаю и знать не хочу. Нет так нет. Смотрите, вас за язык никто не тянул.

Я указываю на дверь. Блюминг растворяется не простившись.

Отличненько! Что там дальше Михалыч говорил-то? Ага, протокол надо бы переписать. Это без проблем. Две остановки до универмага. Заодно, кстати, посмотрим, чем торгуют на моей территории.

Заяву с директора универмага я взял достаточно быстро и профессионально. «В городе беспредел, поймите нас правильно, обязаны реагировать». – «Конечно, конечно, понимаю...» Хотя поначалу у директора был такой вид, будто я снял перед ним штаны. Справка о стоимости стекла ложится рядом с заявой. Стеклышко дорогое – двести тонн плюс установка.

Сейчас я стою перед сверкающим никелированными рейками и стеклом отделом импортной галантереи. К отделу приставлена не менее яркая продавщица по имени Леночка, которая является почетным свидетелем падения гражданина Блюминга.

Стекло уже заменили на новое, лужу присыпали песочком, хотя местами коварный лед поддает признаки существования.

Импортная галантерея явно разнится ассортиментом, ценами и качеством товаров с остальными отделами. Именно этим я объясняю, что такой состоятельный человек, как Блюминг, покупал галстук именно здесь, а не в специализированном элитном магазине одежды.

– Леночка, неужели от него не пахло алкоголем? Экспертиза показала, что у него в крови была смертельная доза спиртного. В хламину, короче.

– От него пахло туалетной водой «Пако рабанне». У нас есть такая. Не хотите, кстати? Настоящая Франция.

– Спасибо, я на службе, да и вообще не пью. И вы уверены, что он сам упал?

– Конечно, там уже человек пять падали. Песком присыпали после этого товарища.

Я барабаню авторучкой по стеклянному прилавку и пытаюсь сформулировать следующий наводящий вопрос. Процессу явно мешает мини-юбка продавщицы. Отвлекает. А нас учили – нельзя отвлекаться, надо думать о главном. О службе. А не о бабах. Пока не очень получается. Практики маловато.

– Скажите, Елена, он не пытался скрыться? Или, может, ругался по-флотски?

Елена охотно отвечает на все вопросы – до моего появления она явно скучала в своем элитном отделе, не зная, как прибить время.

– Кажется, он сказал «Фу, черт». И никуда не убегал. Ни он, ни его дама.

– Я не ослышался? С ним была дама?

– Конечно. Они вместе выбирали галстук. У нее никакого вкуса. Выбрали самый пошлый.

– Вы уверены, что это его дама, а не случайная? Знаете,

любят попросить помочь, если сами не могут выбрать покупку.

– Нет, нет, она называла его по имени. Кажется, Аркадий. Точнее, Аркаша.

Я довольно хмыкнул. Ага, Аркаша Андреевич, шалим с девочками? А мне сказал, что был один. Каков! Не иначе полюбовница.

– Так, Леночка, а он барышню как величал?

– Сейчас... Извините, не запомнила. Обычное имя, без выкрутасов.

– Жаль. Ну и куда эта дама подевалась?

– Ой, я не обратила внимания... Пока протокол писали, она здесь была. Да, ее ж в эти, как их, свидетели, что ли, записали.

– Понятые, – подсказал я, вспоминая попутно, что протокол осмотра твердой рукой Михалыча был отправлен в мусорное ведро. – Понял, Леночка. Как девочка выглядела?

– Симпатичная, лет двадцать пять. Высокая. В коричневом пальто с меховой отделкой. Дорогое пальто. Баксов пятьсот минимум, отделка в классическом стиле, отвороты чуть сношены...

Далее Леночка описала все детали и приметы увиденного пальто вплоть до цвета пуговиц и подкладки. Одно слово – женский глаз.

– Понятно, – прервал я продавщицу, восторгавшуюся верхней одеждой спутницы Блюминга. – А лицо, волосы?

– Ой... Извините.

– Да ладно, – не очень огорчаюсь я, рассчитывая, что участкового, писавшего протокол, больше заинтересовало не пальто, а личико.

Затем я быстро объясняю, что надо изобразить новый протокол ввиду нечаянной утраты прежнего, на что Леночка понимающе кивает.

Лужу в протоколе я, само собой, пропускаю, а в пролетарскую суть вникаю. Никакой лужи, сплошной песок... Протокол подписывается новыми понятиями, которые даже не прочитали его. Но даже если б они и захотели прочитать, то не смогли бы. У меня ленинский почерк.

Через двадцать минут я в отделе, где, не снимая куртки, влетаю в кабинет шефа.

– Извините, Сергей Михайлович, можно вашу корзину для мусора? Надо в протокольчике кое-что уточнить.

Михалыч ничуть не удивляется, кивает и заглядывает в корзину.

– Ох, черт. Юра, с полчаса как уборщица вынесла.

– А куда она выбрасывает мусор?

– В соседнем дворе контейнер. Кажется, туда.

Я говорю «спасибо» и иду в соседний двор. Контейнер переполнен. Мало того, он довольно велик. Но ничего не поделать. «Мудрецы прыгают на крылах ради любви к истине и разбиваются насмерть...»

Я подбираю валяющуюся палку и начинаю ковыряться в

контейнере, выглядывая знакомые очертания типового бланка. Первые три минуты проходят зазря. Я не отчаиваюсь. «Мудрецы прыгают на крылах...»

– Постыдился бы бутылки собирать, – слышу я за спиной сварливый дамский голос. – Такой лось молодой, пахаты можно, и одет ведь прилично. Господи, куда мы катимся?

«За лося ответишь!» – кричит мой внутренний голос, но, обернувшись, я понимаю, что обозвали меня так ввиду занятия чужого места. Я отбираю дамский кусок хлеба, вернее глоток виски. Конкурент.

– Да погоди ты, мать, я кольцо золотое обронил...

Поиск продолжается. Джеймс Бонд в джунглях Гондураса. Романтика!

На седьмой минуте первого тайма я победно вскидываю вверх руки. Есть! Вот он, долгожданный протокол! Какое облегчение!

Я на ходу разглаживаю листок и держу курс на отдел.

Подругу Блюминга звать Ирой. Действительно, имя без выкрутасов. Ирина Алексеевна Рябинина. А фамилия жены Блюминга – Блюминг. Дедукция. Значит, Ирина не жена. Один-ноль в мою. Уже есть что положить на стол.

Черт, а я случайно не вслух все это говорю? Фу, кажется, нет... Если бы кто посторонний понял, о чем речь, он убежал бы в дебри Гондураса. Посторонний, не работающий в министерстве. Работающий пожал бы мне руку.

Один преподаватель из полицейской академии постоянно

повторял нам замечательную фразу: «Если на крючок нацепить бумажку с надписью „червяк“, то и вытащишь из пруда бумажку с надписью „карась“». Это к тому, что в любой работе важен профессиональный подход. Не должно быть мелочей и необдуманных ходов.

Вспоминаю я эту фразу, готовясь к первой встрече со своим «человеком». Решив не откладывать знакомство в долгий ящик, я провожу его сегодня. Набираю номер и после снятия трубки на том конце провода, хорошо поставленным голосом произношу:

– Александр Александрович? Здравствуйте, вам привет от Юрия Маркова. Слыхали о таком? Отлично! Есть необходимость встретиться и поговорить. Сегодня в семь вечера я буду ждать вас у входа в кинотеатр «Подвиг». Там идет фильм «Судьба барабанщика», сходим посмотрим. Почему у кинотеатра? Для конспирации. Значит, на мне курточка будет черная, кепчонка, шарфик пестрый. Вот еще журнал «Огонек» возьму для ориентира. Договорились. Жду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.